

Хозяйка Дома тёплых рук

или

Чужих детей не бывает

Кейси Лисс

Моё дело — лечить.

Моя судьба — дети.

CaseyLiss - Хозяйка Дома Теплых Рук. Чужих детей не бывает

<https://litres.ru/74207593>

Аннотация

В своём мире я была мануальным терапевтом. Работала с детьми, исправляла последствия тяжёлых родов, снимала зажимы, из-за которых младенцы не спят и плачут ночами. У меня были клиенты, стабильный доход и диагноз, который навсегда закрыл для меня слово «мама».

А потом я очнулась в лесу — в мире князей, леших и людей, которые любую хворь считают проделками нечисти.

Меня подобрал одинокий кузнец — крепкий, серьёзный и отчаянно уставший. У него трое детей, один из которых младенец, который не знает, как жить без крика.

Здесь шепчутся о порче. Я же вижу перекос шеи и зажатые мышцы после трудных родов.

Когда его сын впервые спокойно уснул, по посаду поползли слухи. Когда соседская девочка перестала хромать, ко мне выстроилась очередь. Так в князем мире появился первый “Дом тёплых рук”.

Вот только местный волхв недоволен, чужую силу не любит. А кузнец всё чаще задерживается у моего порога.

Я не смогла стать матерью в своём мире. Здесь, кажется, у судьбы на меня другие планы.

В книге вас ждёт:

Попаданка без наивности и глупой жертвенности Леченье детей вместо «магии по щелчку» Сильный мужчина-кузнец и трое детей Славянский мир с лешими, волхвами и княжьими интригами Тёплая, взрослая любовь ☆☆☆ Магия, которая просыпается в ладонях

Однотомник. История о том, что чужих детей не бывает.

Содержание

Глава 1. Я умею работать руками	5
Глава 1.2	18
Визуал. Алина	24
Глава 2. Если я здесь — значит, не случайно	25
Визуал. Яромир	45
Глава 3. Без инструкции по применению	46
Глава 3.1	58
Глава 3.2	66
ВИЗУАЛ. РАДОСЛАВА	71
Глава 4. Огонь скажет	72
Визуал. Микола	85
Глава 5. Утро после огня	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Я умею работать руками

Я не люблю трассы зимой. Асфальт серый, небо серое, поля по обочинам будто выцветшие, и кажется, что весь мир застрял в одном оттенке. Дорога длинная, прямая, без поворотов — едешь и думаешь о своём, потому что вокруг всё равно не на что отвлечься. В такие моменты особенно ясно чувствуешь, сколько в жизни пауз, которые ничем не заполняются.

Я ехала на семинар. В багажнике лежали рабочие подушки, эластичные ленты и пластиковый макет таза — обычный набор для женщины тридцати лет, которая зарабатывает тем, что лечит младенцев руками и иногда берётся за взрослых, если те совсем запустят себя.

Фраза «лечит руками» звучит немного самоуверенно, но по сути это просто внимательность. Я умею чувствовать, где в теле перекос, где зажим, где мышца работает не так, как должна. Младенцы в этом смысле самые честные пациенты: если им больно — они кричат, если становится легче — расслабляются и тяжелеют в ладонях, будто полностью тебе доверяют. С ними всё понятно и просто.

Сложнее, когда дело касается меня самой.

Телефон завибрировал на панели. Клиника. Я ответила через гарнитуру и почти не удивилась, когда администратор сообщила, что клиента перенесли. «Извините, Алина, так

получилось». Так всегда и получается — люди болеют, путают время, передумывают, а ты просто перестраиваешься.

Я отключилась и выдохнула чуть сильнее, чем нужно. День только начался, а в нём уже образовалась дыра. Я не люблю, когда планы расплзаются — появляется ощущение, будто ты куда-то движешься, а на самом деле стоишь на месте. Иногда мне кажется, что я умею чинить всё, кроме собственной жизни.

Впереди на обочине стояла машина с включённой аварийкой. Сначала я собиралась просто снизить скорость и объехать, но заметила женщину рядом. Куртка расстёгнута, руки на животе, дыхание неровное — это видно даже издалека, если знаешь, на что смотреть.

Я знала.

Машина остановилась раньше, чем я успела всерьёз обдумать решение.

— Вам плохо? — спросила я, выходя из машины и подходя ближе.

Она посмотрела на меня мутным взглядом, словно пыталась сфокусироваться.

— Тянет... — выдохнула она. — Не понимаю... рано ещё...

Живот был уже большой, срок приличный.

— Давайте в машину, там теплее, — сказала я и открыла пассажирскую дверь.

Она с трудом опустилась на пассажирское сиденье, при-

держивая живот обеими руками и тяжело дыша. Я аккуратно подтолкнула дверь, чтобы она плотно закрылась, быстро обошла машину и села за руль. Двигатель я не глушила — в салоне и так было холодно, а сейчас тепло было нужнее всего.

— Как зовут? — спросила я, пристёгиваясь и поворачиваясь к ней.

— Лена... тридцать вторая неделя...

Тридцать вторая. Уже не «слишком рано», но и не тот срок, когда хочется проверять, чем всё закончится.

— Боль волнами идёт?

Она кивнула, прижимая ладони к животу.

— Да... и вниз отдаёт...

Я потянулась к ней через центральную консоль и положила ладонь на её живот поверх одежды. Под пальцами чувствовалось плотное, устойчивое напряжение — не просто лёгкий тонус. Матка сжималась жёстко, с усилием. Я автоматически стала считать интервалы, отмечая длительность сокращений и паузы между ними.

— С ребёнком всё будет нормально? — тихо спросила Лена.

Она смотрела на меня так, будто от моего ответа зависело всё.

— Сейчас главное — спокойно дышать. Мы разберёмся, — ответила я ровно, не убирая руки.

Я взяла телефон с панели. Сеть то появлялась, то пропа-

дала — одна полоска, потом ни одной. Вызвать скорую здесь было почти невозможно. Нужно было либо медленно разворачиваться, либо хотя бы отъехать подальше от края.

Я подняла взгляд в лобовое стекло и в этот момент заметила фуру, которая выходила на обгон. Она брала слишком широко и стремительно приближалась к нашей полосе. Всё произошло быстро, но достаточно медленно, чтобы я успела понять — расстояние опасное, и водитель, похоже, нас просто не видит.

— Пристегнитесь, — резко сказала я Лене, не отрывая взгляда от дороги.

Я крепче сжала руль и попыталась взять правее, насколько позволяла обочина. Под колёсами была снежная каша, машину слегка повело, но я удержала её.

На секунду мелькнула простая мысль — только бы не по пассажирской стороне.

Тяжёлый поток воздуха ударил в нас первым. Машину качнуло так, будто её толкнули плечом. В следующее мгновение раздался короткий, жёсткий скрежет — фура всё-таки задела нас по касательной.

Удар пришёлся по моей стороне.

Автомобиль дёрнуло, и зад сразу повело в сторону. Колёса потеряли сцепление с дорогой, мы начали разворачиваться, уходя глубже в снег. Я инстинктивно повернула руль в сторону заноса, пытаясь выровнять машину, но инерция уже работала против нас.

Ограждение стремительно приближалось.

— Держитесь! — крикнула я, понимая, что сейчас всё решают секунды.

Удар о столбик был глухим и плотным. Меня бросило вперёд — я не успела пристегнуться. Лоб резко встретился с рулём, воздух из лёгких вышибло, под рёбрами вспыхнула тупая горячая боль. Во рту появился металлический привкус.

Лена вскрикнула, но ремень удержал её в кресле.

Машину ещё раз качнуло и окончательно остановило. В салоне посыпался пластик и мелкие осколки. Через трещины в стекле внутрь потянуло холодом и запахом бензина.

Я слышала только своё дыхание — неровное, с хрипом. Каждый вдох отзывался болью под рёбрами, и казалось, что лёгкие работают с усилием, будто через плотную ткань. В ушах звенело так, словно весь мир сузился до одной высокой ноты, от которой невозможно избавиться.

Попыталась пошевелиться, но тело реагировало странно, с задержкой, как будто сигналы доходили не сразу. Это ощущение было непривычным и даже обидным — я привыкла чувствовать чужие тела под руками, понимать, где и что в них происходит, а сейчас не до конца понимала собственное.

Звук вокруг постепенно начал меняться. Сначала стал глухим, приглушённым, будто меня медленно опускали под воду. Потом исчез совсем.

Не было ни трассы, ни мотора, ни ветра.

Тишина стала густой и тяжёлой, как если бы воздух вне-

запно загустел. Я по привычке прислушалась к себе — к сердцу, к дыханию, к боли — и вдруг поняла, что всё это отдаляется. Боль больше не резала, а расплывалась; дыхание казалось не моим, а чьим-то чужим, далёким.

Меня словно слегка качнуло, хотя машина давно стояла.

Появилось странное ощущение движения — не телом, а где-то глубже, как будто меня медленно уносит течением, и сопротивляться этому течению нет ни сил, ни смысла.

Последнее, что я успела подумать, было совсем простым и почему-то спокойным: только бы с ней всё было нормально.

А потом темнота сомкнулась вокруг меня окончательно.

Я очнулась от холода.

Глаза открыла не сразу — просто лежала и пыталась понять, что не так. Холод был не сквозняковый, не тот, что пробирается через неплотную дверь машины. Он шёл снизу, впитывался в спину, под лопатки, в поясницу. Живой, влажный.

Когда набралась сил и открыла глаза увидела небо. Оно было не серым и не расплывчатым, как над трассой. Оно было глубже. Между тёмными ветвями просачивался свет — мягкий, не слепящий. И ветки. Много веток.

Лежала я на земле.

Под спиной сырая трава. Я осторожно вдохнула и ощутила как в правом боку отозвалось тупая боль, глубокая и плотная. Ушиб. Возможно, сильный. Я медленно перевернулась

на локоть и села, опираясь на руки. Мир не закружился уже хорошо.

Первое, что я сделала — ощупала голову. Шишка была ощутимой, но кожа цела. Крови нет. Зрачки? Я попыталась сфокусироваться на ветке перед собой — зрение чёткое. Пальцы двигаются. Запястья сгибаются.

Жить можно.

Только вокруг — лес.

Это был не редкий перелесок у трассы и не посадка между дорогами, а настоящий густой лес — спокойный, чистый, без мусора, без бутылок и обрывков пакетов, без следов шин и без малейшего намёка на аварию. Всё вокруг выглядело так, будто здесь вообще никогда не происходило ничего резкого или шумного.

Я медленно повернулась, стараясь не дёргать корпусом, потому что под правыми рёбрами сразу отзывалось неприятной тяжестью. Нигде не было ни стекла, ни металла, ни вмятин в земле. Не было Лены.

Где Лена? Где машина?

Память оставалась ясной — удар, руль, боль, звон в ушах. Я точно не засыпала в лесу и не пришла сюда сама.

Рядом аккуратно лежал мой рюкзак — не отброшенный в сторону, не выпавший, а словно кем-то положенный. Телефон оказался в кармане; экран загорелся, но сети не было, время не определялось, часы мигнули и погасли.

Я встала, осторожно перенося вес на ноги. Они держа-

ли, но тело казалось ватным, словно после тяжёлой болезни, а под правыми рёбрами тянуло сильнее с каждым вдохом. Я попыталась выстроить логическую цепочку: лесополоса, шок, меня отбросило дальше от дороги. Возможно, кто-то перенёс. Но кто? И зачем? И где тогда всё остальное — машина, обломки, следы?

В воздухе ощущался дым — настоящий, печной, с примесью сырого дерева. Запах был устойчивым и явно исходил откуда-то поблизости. Я пошла на него медленно, ставя ногу сначала на пятку, чтобы меньше трясло корпус, и дышала неглубоко, потому что при полном вдохе в боку начинало ныть сильнее.

Лес казался слишком тихим для места рядом с дорогой. Он не был мёртвым — наоборот, в нём что-то жило: потрескивали ветки, шуршали листья, где-то перелетала птица. Но не было ни гудков машин, ни далёкого шума трассы.

Треск я слышала не сразу — он повторялся ритмично, как шаги. Кто-то шёл тяжело и уверенно, не пытаясь скрыться. Я остановилась и обернулась.

Из кустов вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмной грубой одежде из плотной ткани, которая больше напоминала сшитую вручную вещь, чем современную куртку. В руке он держал топор с потёртой рукоятью, обычный рабочий инструмент.

Он остановился в нескольких шагах и внимательно посмотрел на меня. Я подняла руки чуть выше груди, показы-

вая ладони.

— Я попала в аварию. Мне нужна помощь. Я не понимаю, где я.

Он не ответил сразу, его взгляд скользнул по обуви, по пуховику, по рюкзаку и остановился на моих руках. В этом взгляде не было ни испуга, ни растерянности, а скорее, оценка.

— Под ивой лежала, — произнёс он наконец спокойным низким голосом. — Я видел.

— Где ива? Где дорога? Там была машина и женщина, она беременна.

Он слегка нахмурился, словно часть слов звучала для него непривычно.

— Дороги тут нет. Лес.

Это было сказано не в спор, а как простое утверждение. Я почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Не паника, а именно раздражение от несоответствия реальности и услышанного.

— Я была на трассе. Было столкновение. Машина, ограждение — это не может просто исчезнуть.

Он продолжил так же спокойно.

— Не знаю, что у тебя было. Тут лес.

Я закрыла глаза на секунду, чтобы не начать спорить. Боль в боку напомнила о себе.

— У меня ушиб. Мне нужно тепло и вода. Я не знаю, сколько пролежала.

Он перевёл взгляд на мою руку, прижатую к рёбрам, затем снова на лицо и, по-видимому, принял решение.

— Дойдёшь?

— Если медленно.

— Яромир.

— Алина.

Он развернулся, и я пошла за ним, стараясь держать шаг. Шёл он быстро, но не настолько, чтобы я отставала, и несколько раз почти незаметно оглянулся, проверяя, не падаю ли я.

Лес постепенно редел, появилась утоптанная тропа, запах дыма усилился, а затем я услышала размеренный металлический стук. Через несколько минут деревья расступились, и передо мной открылся двор — настоящий жилой двор со срубами, забором, сараем и дымом из трубы.

Женщины у колодца замолчали, когда увидели меня. Они не вскрикнули и не отшатнулись, просто смотрели внимательно и спокойно, и я вдруг остро ощутила, насколько чуждо выгляжу среди них в своём пуховике и кроссовках.

— К ведунье, — коротко сказал Яромир, будто этим всё объяснялось.

Меня провели к дому на самом краю двора. Внутри было тепло, печь дышала мягким жаром, под потолком висели пучки трав, и воздух был густым от их запаха.

У печи сидела пожилая женщина с прямой спиной и цепким взглядом.

— Кто? — спросила она.

— Под ивой лежала. Говорит — из другого места.

Она подошла ко мне и взяла за запястье, большим пальцем надавив на внутреннюю сторону чуть сильнее, чем это нужно для обычной проверки пульса. В этот момент произошло странное: я почувствовала не просто биение собственного сердца, а его ритм так ясно и объёмно, словно видела его изнутри, и одновременно ощущала её пальцы — тёплые, сухие, уверенные.

— Руки не праздные, — тихо сказала она. — Работают. Как зовут?

— Алина.

— Я Радослава.

— Мне нужно домой, — произнесла я, чувствуя, что усталость накрывает сильнее страха. — Там была беременная женщина, мы попали в аварию. Мне нужно вернуться. Связь, дорога, что угодно.

— Здесь нет твоей дороги, Алина.

— Как это нет? Я не могла просто исчезнуть.

— Могла.

В её голосе не было ни насмешки, ни сочувствия, только странная уверенность.

Я уже собиралась возразить, когда с улицы раздался резкий детский крик — высокий, надрывный, не похожий на обычный плач. Я замолчала.

— Чей? — спросила я почти автоматически.

Яромир стоял у двери, его плечи напряглись.

— Мой.

В этом коротком ответе было столько усталости, что я посмотрела на него иначе.

— Сколько ребёнку?

— Девятый месяц пошёл. С рождения кричит, ночами не спим.

— Покажите.

Он резко обернулся.

— Ты кто такая?

— Я работаю с младенцами. С шеей, позвоночником, последствиями тяжёлых родов. Я не обещаю чудо. Если не поможет, скажете, что я шарлатанка.

Крик за дверью усилился, и в нём было что-то неправильное — не голод и не каприз. И тогда это произошло: я не просто услышала этот звук, а почувствовала его как напряжение, как сжатый узел, будто маленькое тело где-то рядом было перекошено и эта перекошенность отзывалась во мне.

Это было слишком отчётливо, чтобы списать на воображение.

Я посмотрела на дверь и уже знала, что дело не в животе и не в коликах, а в шее, в верхнем отделе позвоночника — возможно, в родах его сильно потянули.

Но как?

— У него зажато здесь, — тихо сказала я, коснувшись соб-

ственной шеи под затылком. — И тянет вниз, поэтому он кричит.

В комнате повисла тишина. Яромир смотрел уже не с раздражением, а с насторожённым вниманием, а Радослава не отводила внимательного взгляда.

— Пусть попробует, — сказала она.

И в этот момент я поняла, что назад пути уже нет.

Глава 1.2

Из избы Радославы мы вышли почти сразу, потому что крик доносился со стороны двора и пробирал так, что игнорировать его было невозможно. Яромир шёл быстро, и мне приходилось подстраиваться под его шаг, стараясь дышать неглубоко — под правыми рёбрами тянуло сильнее, чем я готова была признать.

Его изба стояла чуть в стороне, ближе к навесу с брёвнами и тяжёлым столом, на котором, видимо, что-то строгали или чинили. Здесь пахло иначе — углём, железом, тёплой древесиной. Воздух был плотный и горячий.

Внутри оказалось душно. Тёплый воздух стоял под потолком, пахло молоком и печной гарью.

Ребёнок лежал на широкой лавке у стены, на сложенном одеяле, и кричал без пауз, так, будто крик был не звуком, а способом существования. Он выгибался, шея напряжена, подбородок задран, кулаки сжаты до побелевших пальцев. Это был не плач «возьми меня» и не голод — это было постоянное «мне плохо», и оно звучало уже не первый день.

Женщина рядом — по возрасту скорее тётка или соседка — пыталась качать его прямо на лавке, придерживая за живот, но от этих движений он только сильнее выгибался. Девочка-подросток стояла у печи и смотрела на меня так, будто я либо спасение, либо очередная глупость взрослых.

Я не стала сразу трогать ребёнка. Подошла ближе, посмотрела. Частое поверхностное дыхание, плечи подняты. Шея напряжена слишком сильно для такого возраста. Это мышечный зажим, который не даёт телу расслабиться.

И снова я поймала себя на том, что чувствую это не только глазами. В ладонях будто заранее появилось знание, куда смотреть.

— Дайте мне его, — сказала я спокойно.

Женщина замялась.

— Он чужих не любит, сразу заходится.

Я вздохнула.

— Он не чужих не любит. Ему больно. Если станет хуже, вы его сразу заберёте.

Яромир стоял у стены, большой, молчаливый, и внимательно смотрел. От его взгляда становилось ясно, что второго шанса у меня не будет. Он коротко кивнул.

Мне передали ребёнка.

Я сразу поддержала затылок и плечи, не позволяя головке запрокинуться. Он дёрнулся и закричал ещё громче, ногами ударил меня в живот, и боль под рёбрами резко вспыхнула. Я отметила это где-то на краю сознания — да, ушиб серьёзный — и тут же отодвинула мысль. Сейчас не до меня.

Он был весь напряжён, как маленький комоч сжатых мышц. Я прижала его к себе, дала телу опору грудью, чтобы он почувствовал границы, а не проваливался в собственный зажим, и только потом положила пальцы у основания черепа.

— Тихо, — сказала я привычным рабочим голосом. — Я просто посмотрю.

Он слов не понимал, но тон обычно слышат даже самые маленькие.

Под пальцами чувствовалась плотность — не общий тонус, а конкретный, устойчивый блок. Шея не давала микро-движения. Одной рукой я фиксировала затылок, второй задавала направление, мягкое предложение ткани чуть сместиться.

Он выгибался и кричал, но я удерживала его спокойно, не перетягивая, не ломая. В какой-то момент крик стал выше, и я на секунду замерла — если перегнуть, станет хуже, и тогда мне здесь никто больше ничего не доверит.

Я медленно вдохнула и дала себе секунду.

Под пальцами произошло то самое, ради чего мы вообще работаем: маленькое внутреннее смещение, будто что-то в глубине отпустило. Не щелчок и не хруст, а мягкое освобождение.

Крик оборвался почти сразу.

В избе стало непривычно тихо. Ребёнок глубоко вдохнул, потом ещё раз, и его тело постепенно стало мягче. Плечи опустились, пальцы разжались, шея перестала быть натянутой струной.

Я не убирала рук сразу, проверила симметрию, дала тканям закрепиться в новом положении. Он уже не выгибался, просто тяжело дышал, привыкая к состоянию без боли.

— Всё, — сказала я. — Сейчас уснёт. Только не трясите его резко.

Я передала ребёнка Яромиру. Он взял сына осторожно, как будто боялся нарушить это хрупкое равновесие. Мальчик прижался щекой к его груди и закрыл глаза.

— Что ты сделала? — спросил он.

— Шея была зажата, похоже, роды были тяжёлые. Его тянуло назад, и он жил в постоянном напряжении.

— Тяжёлые, — тихо подтвердил он. — Долго она мучилась... а как ушла, он потом и не замолкал.

Я кивнула. Такое я видела не раз. Тяжёлые роды, вытягивание, асимметрия — и потом месяцы крика, пока кто-нибудь не заметит, что дело не в «характере».

И вот тогда я обратила внимание на свои ладони.

Они были горячими. Не как после массажа, не от трения — тепло было глубже, устойчивее, будто кожа нагрелась изнутри. Я машинально провела руками по штанам, но ощущение не исчезло.

Попыталась объяснить это себе по простому: адреналин, концентрация, чужой жар. Всё логично.

Ребёнок, уже почти уснувший, вдруг открыл глаза и посмотрел на меня. Не мельком, а внимательно. Его рука поднялась и потянулась в мою сторону.

Я сделала шаг назад и он сразу всхлипнул, напрягся, словно снова начал терять что-то важное. Подошла ближе, не касаясь его, и он снова стал успокаиваться. Я почувствовала,

как внутри неприятно холодеет понимание.

Это уже не про шею.

Он реагирует не только на то, что я сделала. Ребенок реагирует на меня.

Если я выйду за порог, он снова начнёт кричать, и никто здесь не сможет объяснить, почему рядом со мной ему легче.

А я — тем более.

Я стояла посреди чужой избы, с горячими ладонями и болью под рёбрами, и впервые за всё время подумала не о дороге и не о возвращении.

Подумала о том, что, возможно, меня сюда занесло не случайно.

Дорогие читатели,

я приглашаю вас в новую историю — тёплую, живую, наполненную светом, болью и надеждой.

Это рассказ о женщине, которая умеет лечить руками... но не сразу понимает, как исцелить собственную судьбу. О доме, где появляется свет даже тогда, когда кажется, что его больше нет. О детях, которые приходят в жизнь не всегда так, как мы планируем. И о мужчине, который не верит в чудеса — пока не сталкивается с ними лицом к лицу.

*В этой истории будет всё:
новая жизнь в другом мире
маленькие шаги к большому счастью
сила женщины, которая не сдаётся
и любовь —*

взрослая, непростая, настоящая

*«Хозяйка Дома тёплых рук» — это история о том, что чужих детей не бывает.
 И о том, что судьба иногда знает о нас больше, чем мы сами.*

Буду рада, если вы пройдёте этот путь вместе со мной ##

Ваша Кейси Лисс

*
*

Визуал. Алина

Алина — Хозяйка Дома тёплых рук

30 лет.
 Мануальный терапевт. Женщина, которая лечит руками — и чувствует больше, чем говорит.

В нашем мире она помогала младенцам начинать жизнь правильно.
 Уверенная, ухоженная, рациональная. Не страдальца. Не жертва.
 Но с тихой болью внутри — бесплодие, которое она приняла... но не до конца прожила.

Сильная. Тёплая. Без глупой самоотдачи.
 Если нужно — поддержит. Если нужно — поставит на место.

Её попадание — не случайность.
 Она остановилась помочь беременной женщине на зимней трассе.
 Авария. Темнота.
 И пробуждение под старой ивой в другом мире.

Там её принимают за ведьму.
 А она просто снова делает то, что умеет лучше всего —
 лечит.

*# Золотое свечение ладоней.
 ## Внимательный взгляд, будто она уже знает, где болит.
 ## Женщины, которая может удержать ребёнка и вправить плечо взрослому мужчине.*

Она не сказочная красавица.
 Она — та, к кому идут, когда больно.

Глава 2. Если я здесь — значит, не случайно

Когда малыш уснул у Яромира на руках, тот ещё какое-то время стоял неподвижно, будто боялся поверить, что тишина настоящая.

— Тихо, Микола... — пробормотал он едва слышно и осторожно провёл ладонью по детской спине.

Имя прозвучало спокойно, как что-то давно привычное. Не просто ребёнок — Микола. И от этого он вдруг перестал быть частью чужого дома и стал конкретным мальчиком, которого держит отец.

Соседка тихо вышла, прикрыв за собой дверь, и в избе стало непривычно тихо. Эта тишина не успокаивала, она будто натянулась между стенами, как тонкая нить.

Я стояла рядом с лавкой и вдруг слишком ясно увидела Лену. Её бледное лицо в машине, мокрые ресницы, руку, вцепившуюся в живот. Я вспомнила, как влетела на водительское сиденье, не успев пристегнуться, как меня бросило вперёд, как руль ударил в лицо и в боку вспыхнула боль. Лена была в ремне, её удержало. Машину могли найти. Скорую могли вызвать. Она могла родить.

А могла и не успеть.

И мысль о том, что меня будто выдернули из той дороги

слишком легко, как лишнюю деталь, не давала покоя.

Я обняла себя руками, сама не заметив, как начала дрожать.

— Ты дрожишь, — тихо сказала девочка, стоявшая у стены.

Я подняла на неё глаза...

Рыжая, вся в веснушках, с тугой косой и внимательным, совсем не детским взглядом. Она смотрела так, будто давно привыкла замечать то, что другие предпочитают не видеть.

— Я вспомнила одну женщину, — сказала я. — Я остановилась помочь ей и не знаю, что с ней теперь.

— Ты её оставила?

Вопрос прозвучал не обвиняюще, а просто — как факт, который нужно уточнить.

Я покачала головой.

— Не хотела, всё случилось быстро. Я была за рулём. Потом... уже нет.

Она помолчала.

— Может, её нашли, — сказала она наконец. — У нас в лесу тоже иногда теряются. Не все пропадают.

Я кивнула, хотя понимала, что речь идёт о разном.

Дверь резко распахнулась, и в избу вбежал мальчик лет восьми, с растрёпанными волосами и красными от холода ушами.

— У ворот кто-то ходит! Я слышал!

Он только сейчас заметил меня и остановился на пороге, разглядывая с открытым, бесстыдным интересом.

— А это кто? — спросил он у сестры, даже не понижая голоса.

— Гостья, — коротко ответила девочка.

Он сделал шаг ближе.

— Ты откуда?

— Издалека, — сказала я. — Заблудилась.

Он посмотрел на мою одежду, потом на лицо, потом снова на сестру.

— Ты из леса вышла?

— Да.

Он помолчал, явно что-то сопоставляя в своей голове, и спросил серьёзно:

— А ты живая?

Вопрос прозвучал так спокойно, будто он уточнял погоду. Я на секунду даже задержала дыхание.

— Живая.

Он кивнул, но взгляд у него остался настороженным.

Но мысль уже зацепилась и не отпускала. А вдруг нет? А вдруг там, на трассе, моё тело всё ещё в машине, и кто-то сейчас вытаскивает его из искорёженного металла, а я стою здесь, где пахнет молоком и дымом? А вдруг Лена зовёт меня, а я не могу ответить?

Микола во сне дёрнулся, и я автоматически шагнула ближе к Яромиру. Ребёнок сразу стал спокойнее, будто почув-

ствовал, что я рядом. Это заметили все.

— Он к тебе тянется, — тихо сказал Яромир.

— Я не хочу, чтобы он ко мне тянулся, — ответила я, и голос прозвучал резче, чем рассчитывала. — Я ему никто.

Слова повисли в воздухе, девочка опустила глаза.

— У него нет матери, — коротко сказал Яромир.

Я ничего не знала о подробностях, но и не нужно было. Дом говорил сам за себя. Посуда стояла вымытая, но не убранная, одежда лежала неровно. На полу следы золы. Рыжая девочка двигалась быстро и привычно — поправляла одеяло, следила за печью, одёргивала брата.

Это был дом, где выживают.

Я посмотрела на Яромира внимательнее. Он держал сына так, будто боится снова что-то упустить. Не слабость, а усталость человека, который давно тянет больше, чем должен.

Во мне столкнулись две вины — перед Леной и перед этим домом. Если я здесь, значит ли это, что там я больше не нужна? Или наоборот — что я обязана вернуться?

Глухой удар снаружи оборвал мои мысли так резко, что я вздрогнула всем телом. Звук был не случайный — не ветка о забор и не скотина во дворе. Он пришёлся точно по дереву, с усилием.

Микола проснулся и заплакал, на этот раз коротко и испуганно.

Второй удар пришёлся по двери избы. Доски задрожали, с потолка осыпалась мелкая пыль.

Радослава стояла у печи неподвижно, но что-то в её лице изменилось. Не страх, а настороженность человека, который уже знает, что происходит.

— Не открывай, — сказала она спокойно.

Снаружи стало тихо. Потом раздался голос — низкий, протяжный, будто слова тянули специально, смакуя звук.

— Яро-о-ми-и-ир...

Я почувствовала, как в животе холодеет. Голос не был громким, но он словно проходил сквозь стены, не глож в дереве, а звучал прямо внутри избы.

Мальчик прижался к сестре. Рыжая девочка побледнела так, что веснушки выступили ярче.

— Отдай... чужую...

Воздух в комнате будто стал плотнее. Я вдруг ясно поняла, что речь идёт обо мне, и вместе с этим пришло другое ощущение, что меня ждали.

Яромир не двинулся с места, он крепче прижал сына к груди, и я заметила, как напряглись его плечи.

Снаружи слышались шаги, медленные, тяжёлые, но не по земле. Звук был странным, будто кто-то шёл не по двору, а прямо вдоль стен, касаясь их. Доски тихо поскрипывали.

Микола снова всхлипнул, и я подошла ближе. Ребёнок сразу стал спокойнее, но теперь его дыхание было слишком ровным, будто он замер, прислушиваясь.

— Он знает, что ты здесь, — тихо сказала Радослава, не глядя на меня.

— Кто? — спросила я, хотя уже понимала, что вопрос бесполезен.

Ответа не последовало.

Снаружи кто-то медленно провёл ладонью по двери. Дерево закрипело, и звук этот был не грубым, а почти ласковым.

— Яро-о-ми-и-ир... — протянул голос снова, ближе. — Ты же знаешь... нельзя держать то, что не твоё...

Я почувствовала, как тепло в ладонях вспыхнуло сильнее, словно отзываясь на этот голос. Это было не приятное тепло, а напряжённое.

Третий удар не последовал.

Вместо него дверная щеколда едва слышно дрогнула, хотя никто к ней не прикасался.

В печи негромко треснули дрова, девочка перестала шевелиться и даже мальчик больше не пытался что-то спрашивать. Все слушали дверь.

Я поймала себя на том, что тоже прислушиваюсь, будто могу по звуку определить, кто там и с чем пришёл. В голове почему-то мелькнула совершенно нелепая мысль: ну и кого нелёгкая принесла в такую погоду и в такое настроение?

Голос за дверью не звучал как соседский. В нём не было спешки и не было сомнения — только уверенность, будто он точно знал, что его услышат.

Яромир не двигался, и это было куда тревожнее любых слов. Если человек с топором в руке не спешит к двери, зна-

чит, он понимает больше меня.

Если я здесь оказалась случайно, то почему меня уже требуют?

Третий удар пришёлся по косяку, и из дерева посыпалась мелкая пыль. Тонкая трещина, ещё мгновение назад едва заметная, стала шире. В избе стало душно, хотя печь уже почти прогорела.

Я стояла, чувствуя, как под рёбрами глухо ноет, и ловила себя на том, что считаю, сколько ударов уже было, сколько осталось до того, как что-то сломается.

Яромир не двинулся. Он держал Миколу так, будто от этого зависело, будет ли тот дышать. Плечи напряжены, пальцы на детской спине сжаты крепче, чем нужно. В его лице не было паники, только злость и упрямство.

Снаружи снова протянуло:

— Яроми-и-ир...

Голос скользнул по стенам, лёг на крышу, втиснулся в щели между брёвнами. Не крик, а протяжное напоминание.

— Отдай... чужую...

В избе пахло молоком и золой, но к этому примешивался другой запах — влажной земли, будто лес стоял вплотную к стенам.

— Это не человек, — сказала Радослава, не повышая голоса.

Она не спешила к двери, не крестилась, не суежилась. Просто стояла.

Яромир посмотрел на неё.

— Кто тогда?

Она чуть повернула голову, будто прислушиваясь к чему-то за пределами дома.

— Леший.

По стене прошёлся скрежет. Медленное движение, словно кто-то провёл чем-то жёстким по брёвнам. Я непроизвольно представила ладонь — не человеческую, но и не звериную.

— Среди дня? — спросил Яромир тихо.

Он не выглядел человеком, который верит в сказки, но он выглядел человеком, который видел достаточно, чтобы не спорить.

— Когда в лесу что-то меняется, он должен проверить, — ответила Радослава.

Снаружи снова:

— Чу-у-жая...

Радослава шагнула к двери и открыла её.

Дневной свет хлынул внутрь, ослепил на мгновение. Во дворе — никого. Поленица, колодец, забор. Но воздух у ворот был плотнее, будто там стоял кто-то невидимый. Трава у калитки едва заметно колыхалась, хотя ветра не было.

Запах леса стал сильнее — сырой и тяжёлый.

— Не твоя, — сказала Радослава, выходя на крыльцо. — Назад иди.

Она стояла на крыльце прямо и говорила спокойно, не повышая голоса. Слова её прозвучали негромко, но уверенно,

как будто им не нужно было пробиваться сквозь воздух.

Калитка у ворот тихо качнулась, трава вдоль забора шевельнулась и снова замерла. Я не увидела ничего, что можно было бы назвать движением, но почувствовала, как внутри отпускает. То напряжение, которое всё это время сидело под кожей, стягивало плечи и не давало вдохнуть полной грудью, стало слабее.

Радослава вернулась в избу и закрыла дверь. Доски негромко соприкоснулись, звук вышел обычный, бытовой.

Во дворе всё осталось прежним, но в доме атмосфера изменилась. Тишина больше не давила, хотя и спокойной её назвать было нельзя. Она просто стала глубже. Дом будто прислушивался, проверяя, ушло ли чужое окончательно, и я вместе с ним всё ещё слушала, сама не понимая, чего жду.

— До вечера не сунется, — сказала Радослава и повернулась ко мне.

Я только сейчас заметила, что пальцы у меня побелели, так сильно я сжимала край стола.

Лена вспыхнула в памяти резко, почти болезненно. Её лицо, мокрые ресницы, напряжённые руки. Я не ушла от неё. Меня выдернули из той дороги, машины, из того момента.

И теперь меня требовали здесь.

— Ты еле стоишь, — сказала Радослава.

Я попыталась выпрямиться, но в боку отозвалось тупой болью.

— Мне нужно обратно, — сказала я тихо, больше себе,

чем ей.

— Сейчас тебе нужно сесть.

Микола завозился у Яромира на руках и я шагнула ближе, почти машинально. Ребёнок перестал всхлипывать.

Яромир это увидел и его взгляд задержался на мне чуть дольше обычного. Но благодарностью там и не пахло, больше подозрительностью и недоверием.

Мы вышли не сразу. В избе ещё какое-то время стояла тяжёлая тишина. Девочка первой пришла в себя — поправила одеяло на лавке, будто ничего особенного не произошло, и осторожно провела рукой по волосам младшего брата. Мальчик всё ещё поглядывал на дверь, но уже без прежнего ужаса, скорее с любопытством, которое дети умеют включать даже после страха.

Яромир стоял у стены, держа Миколу на руках. Ребёнок дышал ровно, щекой прижимаясь к отцовской рубашке. Я заметила, как осторожно он поддерживает затылок сына, будто боится снова что-то сделать не так. В его лице уже не было той жёсткости, что перед дверью. Осталась усталость.

Он посмотрел на меня внимательнее, чем раньше. Не как на чужую, а как на человека, который только что вмешался в его дом и каким-то образом изменил ход вещей.

— Он не спал так давно, — сказал он тихо, глядя на сына, а не на меня. — Спасибо.

Слово прозвучало неловко, будто он редко его произносил. Без лишних эмоций так сазать.

Я кивнула. Не нашла, что ответить. Всё происходящее всё ещё казалось мне слишком нереальным, чтобы принимать благодарности.

Радослава коснулась моего локтя.

— Пойдём.

Яромир не стал нас задерживать. Только проводил взглядом до самой двери. В этом взгляде не было просьбы остаться, но было что-то вроде молчаливого расчёта: если что — он вмешается.

Мы вышли во двор.

Солнце стояло высоко, но свет стал мягче, теплее. Дым из трубы поднимался ровной струйкой. Всё выглядело обычным, будто несколько минут назад никто не требовал меня из-за ворот.

Дом Яромира и кузница стояли на самом краю поселения. Дальше начинался лес — густой, тёмный уже между первыми стволами. Он начинался почти сразу, без поля, без промежутка, словно деревня упиралась в него спиной.

Дом же Радославы располагался чуть в стороне, ближе к другой границе. Теперь это казалось не случайностью.

Я невольно обернулась. Яромир всё ещё стоял у порога, держал сына и смотрел нам вслед.

И я вдруг поняла, что теперь за мной наблюдает не только лес.

Отлично. Просто прекрасно. Ещё утром максимум, что за мной «наблюдало», — это камеры на трассе и недовольный

администратор из клиники. Теперь в списке значились леший и кузнец, прогресс впечатляющий.

Я подавила нервный смешок. Если так дальше пойдёт, придётся привыкать к мысли, что частная жизнь закончилась вместе с асфальтом.

Что ж, теперь я местная достопримечательность. Или проблема. Пока не решила, что хуже.

Шла я медленно, стараясь не показывать, насколько меня ведёт. Бок тянул при каждом шаге, не остро, но настойчиво, как напоминание, что геройствовать сегодня не получится. Голова слегка кружилась, и я ловила себя на том, что считаю шаги, глупая привычка держать контроль хоть над чем-то. Воздух пах дымом, влажной корой и чем-то терпким, травяным. Я всё равно оглянулась на лес, будто проверяла, не стоит ли кто за ближайшим стволом. Разум подсказывал, что если он захочет, я его не увижу. Но тело, видимо, решило, что лучше убедиться. Хотя бы для самоуспокоения.

— Он не ушёл далеко, — сказала Радослава спокойно.

— Он приходил за мной? — спросила я.

Женщина не ответила сразу. Остановилась, посмотрела на лес.

— Леший приходил смотреть, кто нарушил равновесие.

Слова неприятно зацепились внутри. Я не считала себя тем, кто что-то нарушает, особенно некое мифическое равновесие! Я вообще ничего не планировала. Просто ехала по дороге, но, похоже, у леса на этот счёт было своё мнение.

Мы дошли до избы ведуньи не спеша. Я уже не пыталась держаться прямо и бодро, шаг получался неровным, и Радослава это видела, хотя ничего не говорила. Дом её стоял ближе к лесу, чем остальные, и теперь это казалось не просто удобством, а позицией. Не в самой гуще, но и не под защитой соседских заборов — как будто она привыкла держать дистанцию и от людей, и от чащи.

В избе я уже была, но в прошлый раз почти ничего не рассмотрела, тогда меня больше занимало собственное недоумение, а затем ребенок. Сейчас же всё выглядело иначе. Под потолком висели пучки трав, от которых шёл терпкий сухой запах. На столе лежали связки корней, глиняные миски стояли ровно, ткани были аккуратно сложены. Ничего случайного, ничего брошенного наспех. Здесь чувствовалась привычка к порядку — не для показного уюта, а для работы.

Радослава помогла мне снять куртку без лишних слов, действуя спокойно и уверенно. Приподняла ткань у правого бока и нажала пальцами.

Боль резко отозвалась, отчего я втянула воздух сквозь зубы.

— Кость цела, — сказала она, растирая мазь между ладонями. — Но удар сильный.

Тепло от мази разошлось медленно, глубже, чем я ожидала.

— Рассказывай, — сказала она, не поднимая глаз.

Я рассказала всё. Про дорогу, про Лену, про то, как оста-

новилаь и как нас задело. Про удар, после которого мир вдруг изменился. Про лес, который оказался там, где его быть не должно. Сама слушала себя и понимала, насколько это звучит странно. Если бы кто-то пересказал мне такую историю в моём кабинете, я бы аккуратно уточнила, нет ли у человека сотрясения.

Радослава слушала молча. Не перебивала, не задавала лишних вопросов. Она перебирала травы на столе — сухие корешки, узкие листья, перевязывала тонкой нитью пучок зверобоя. Пальцы двигались уверенно, спокойно, будто разговор не отвлекал её, а шёл параллельно работе. Как если бы мои слова были частью процесса — ещё одной травой, которую нужно рассортировать и понять, куда положить.

Поймала себя на том, что начинаю оправдываться.

— Я не фантазирую, — добавила я, хотя она меня в этом не обвиняла. — Я точно помню дорогу. Машину. Лёд на обочине. Я не могла просто... очнуться в лесу.

Собственный голос прозвучал упрямо. Почти раздражённо. Я привыкла объяснять людям их тела, раскладывать симптомы по полочкам. А теперь сама сидела и рассказывала историю, в которой ни одной полочки не находилось.

Ведьма подняла на меня взгляд, спокойный и внимательный. Без сомнения и без сочувствия.

И от этого становилось ещё тревожнее.

Я сидела на лавке, чувствуя, как мазь медленно расходится под кожей. Тепло было странным, не поверхностным, как

от обычного согревающего средства, а глубоким, тягучим. Оно будто пробиралось туда, где болело не только от удара. И от этого становилось не по себе. Я привыкла понимать, что и как работает. Здесь же приходилось просто сидеть и принимать.

— Думаю, что у меня сотрясение и галлюцинации, — подытожила я.

Слово «галлюцинации» оказалось неожиданно удобным. В нём было что-то знакомое, медицинское, безопасное. Его можно было записать в карту, объяснить, обсудить. С ним всё оставалось в рамках нормального мира.

Я даже мысленно зацепилась за него, как за перила.

Радослава перестала перебирать травы и подняла взгляд.

— Галлюцинации не ломают двери, — сказала она спокойно.

Она сказала это спокойно, без желания спорить или убеждать. Просто как человек, который видит картину целиком и не считает нужным доказывать очевидное.

Я отвела взгляд. Смотреть на неё стало неудобно.

В избе было тихо. Печь ровно дышала теплом, под потолком едва слышно шуршали сухие травы. Всё вокруг выглядело обычным — деревянные стены, потемневшие от времени, аккуратный стол, лавка под окном. Никаких свечей, никаких странных символов, ничего показного.

И всё же ощущение было странным.

Я привыкла к кабинетам, к стерильному свету, к чётким

объяснениям. Здесь же всё держалось на уверенности одного человека, который не сомневался ни секунды.

Она правда ведунья?

Мысль пришла неожиданно, без иронии. Не «старушка с травами», не «местная знахарка». А именно ведунья — та, кто знает больше, чем говорит.

От этой мысли стало не по себе.

Я посмотрела на свои руки, на остатки мази на коже. Тепло под рёбрами не проходило, а будто расплзалось глубже, и я не могла понять, работает ли это средство или я просто слишком устала, чтобы спорить с реальностью.

Мне очень хотелось вернуться к слову «сотрясение». К чему-то, что можно проверить, измерить, подтвердить. Но в этой избе ничего не требовало доказательств. Всё просто было.

— Всё происходит слишком быстро, — сказала я, и сама услышала, что голос стал тише, чем я рассчитывала. — Я не успеваю понять, что из этого вообще реально.

Слова прозвучали почти жалобно, и это меня раздражало. Я привыкла быть той, кто объясняет другим, что с ними происходит, а сейчас сидела и пыталась разобраться в собственной голове.

Радослава не ответила сразу. Она подбросила в печь щепку, та тихо треснула, уголь осел с глухим шорохом. За окном ветер коснулся крыши, сухо прошёлся по травам у сте-

ны. В её молчании не было неловкости, женщина просто давала словам улечься.

Потом спокойно сказала, как будто продолжала мысль, которую я не договорила:

— Ты не отсюда.

Я устало усмехнулась, хотя внутри было совсем не до смеха.

— Это видно.

Я кивнула на свои джинсы, на кроссовки, на куртку, лежащую рядом на лавке. В этом доме всё было простым, тканым, деревянным, а я выглядела как человек, случайно зашедший не в ту эпоху. Даже самой себе казалась лишней деталью.

Радослава покачала головой.

— Не видно. Чувствуется.

От этого слова внутри все неприятно сжалось. «Чувствуется» звучало куда хуже, чем «видно». Видно — это можно исправить. Переодеться, промолчать, не высовываться, а если чувствуется — значит, дело не в одежде и не в акценте.

— И что это должно значить? — спросила я, стараясь говорить спокойно, будто мы обсуждаем что-то бытовое.

Радослава не ответила сразу. Она подошла ближе, и я инстинктивно напряглась, хотя не могла сказать почему. Она взяла мою ладонь и развернула её вверх. Кожа всё ещё была тёплой после работы с ребёнком.

— Лес чувствует, когда в него входит не своё, — сказала она негромко. — Не по одежде. По тому, как ты дышишь,

как ступаешь, как трогаешь.

Сравнений она не добавляла, но смысл был понятен.

Я машинально попыталась высвободить руку, скорее из упрямства, чем из страха.

— Ты сегодня не просто работала.

Я вспомнила Миколу. Его резкий и надрывный крик. Шею под пальцами и тот короткий миг, когда что-то изменилось. Тогда мне показалось, что это профессиональный навык, сейчас я уже не была так уверена.

— Я делала то, что умею, — сказала я, и в голосе прозвучала упрямая защита. — Я так всегда работаю.

Радослава отпустила мою ладонь.

— Там да, — кивнула она спокойно. — Здесь все иначе.

И в её тоне не было ни восхищения, ни угрозы. Только уверенность человека, который знает, что разница есть, даже если я пока её не вижу.

Она отпустила мою ладонь, но кожа ещё какое-то время помнила её прикосновение.

— Иначе как? — спросила я.

Она посмотрела на меня внимательно, словно прикидывала, стоит ли объяснять то, что словами всё равно не передашь.

— Здесь всё слышит, — сказала она спокойно. — Не только люди.

Я машинально оглянулась на окно. Ничего особенного там не происходило. Двор, забор, дальше — лес. Самый

обычный лес. Но от её слов стало не по себе, как будто привычная картинка слегка сместилась.

— А обратно? — спросила я, почти перебивая её. — Есть путь?

Я поняла, что всё остальное вторично. Лес, сила, «чуется» — это можно обсуждать потом. Сейчас важно было только одно.

Ведьма не ответила сразу. Подошла к окну, провела пальцами по раме, будто проверяла, не сквозит ли. Постояла так несколько секунд, глядя наружу, и только потом покачала головой.

— Я не знаю дороги, по которой возвращаются.

— То есть её нет? — спросила я, стараясь не показать, как сильно мне нужен чёткий ответ.

— Я не ведаю такой дороги, — сказала она тихо.

В её голосе не было растерянности, скорее признание того, что есть вещи, о которых не спрашивают дважды.

Я поднялась и подошла к окну.

Лес стоял спокойно, будто ничего и не происходило. Свет ложился на стволы, трава у опушки колыбалась от лёгкого ветра. Всё было на своих местах. Никакой тени, никакого движения, ничего, за что можно зацепиться взглядом.

А я всё равно всматривалась, будто могла увидеть ответ между деревьями.

Я смотрела в окно, но видела не только лес. Видела дорогу, фуру, лицо Лены и её руку, вцепившуюся в ремень.

Там всё продолжилось без меня. Она могла родить. Могла дожидаться помощи. Могла остаться одна. Я больше не могла ни проверить, ни помочь, ни даже узнать.

За окном ничего не происходило. Всё выглядело так, будто этот мир давно жил своей жизнью и не собирался ничего объяснять.

Я отступила от окна и почувствовала, как под рёбрами ноет не только ушиб. Это место было настоящим, и боль была настоящей. Как и все эти люди вокруг!

Если это не горячечный бред и не странный провал в памяти, значит, я и правда здесь — в избе с травами под потолком, в каком-то поселении на краю леса, где среди бела дня к дверям приходит леший и требует «чужую». Прекрасно. Утром я ехала на семинар, вечером обсуждаю с ведуньей пути возвращения между мирами. Логично, последовательно, ничего не скажешь.

Я посмотрела на свои кроссовки, на аккуратно сложенную рубаху, которую мне уже предложили взамен, и вдруг стало почти смешно. Попала в старую Русь, судя по всему, без навигатора и без обратного билета. Ещё и с нечистой в комплекте.

И главный вопрос теперь был не «как это возможно», а куда всё это меня приведёт. Потому что, похоже, дальше будет только интереснее.

Визуал. Яромир

Яромир — кузнец

Возраст: **35–38 лет**
 Статус: **лучший кузнец посада**

Мужчина, которого уважают даже те, кто не любит.

Высокий. Сильный.
 Плечи широкие от тяжёлой работы у горна.
 Руки — грубые, в ожогах и шрамах от раскалённого железа.

Он не говорит лишнего.
 Но если сказал — слово держит.

Когда-то у него была семья.
 Жена ушла с заезжим дружинником.

С тех пор Яромир живёт с тремя детьми:

Дочь, 14 лет — тихая, колючая, обижена на мать и никому не верит.
 ## **Сын, 8 лет** — непоседливый, всё время лезет в кузню и мечтает быть таким же сильным, как отец.
 ## **Малыш, 9 месяцев** — слабый, беспокойный, плачет ночами и не даёт никому спать.

Яромир умеет ковать мечи и подковы.
 Но не умеет понимать младенцев.

Его главный страх — снова привязаться.
 Его главная слабость — дети.

И женщина, которая вдруг появилась в его доме, и впервые заставила его сына спокойно уснуть.

Глава 3. Без инструкции по применению

Рубаха оказалась длиннее, чем я ожидала, и шире тоже. Я держала её в руках и пыталась понять, с какой стороны у неё вообще перед. Ткань была плотная, грубоватая, пахла сушёными травами и дымом, как будто до меня её уже кто-то носил.

— Надевай, — сказала Радослава спокойно. — Узел сзади завяжешь.

— Логично, — пробормотала я, разглядывая ворот.

В своём мире я работала с телами, которые иногда были сложнее любой одежды, но сейчас чувствовала себя человеком, которому выдали костюм без инструкции. Юбка оказалась ещё интереснее. Я шагнула и ткань зацепилась за колено. Шагнула шире и стало немного лучше. Сделала привычный быстрый шаг — и едва не споткнулась.

— Ты так бегаешь, — заметила Радослава, глядя на меня поверх плеча.

— Я так хожу, — вздохнула я. — Видимо, придётся переучиваться.

Она ничего не ответила, но уголок её губ чуть дрогнул.

Кроссовки я поставила под лавку. Они выглядели здесь как что-то из чужого сна. Телефон лежал рядом, бесполез-

ный кусок пластика. Я машинально проверила экран. Ничего. Ни времени, ни сети. Как будто мир, в котором он имел смысл, просто выключили.

— Его лучше не показывать, — сказала Радослава, кивнув на телефон.

— Его и так никто не поймёт.

— Поймут. Но не так, как тебе нужно.

Это прозвучало достаточно ясно.

Она подала мне платок и я повертела его в руках, рассматривая.

— Обязательно?

— Если не хочешь, чтобы на тебя смотрели, как на диво — обязательно.

Я накинула платок, кое-как завязала. В отражении в металлической миске увидела себя и едва удержалась от смеха. Если бы мне кто-то сказал неделю назад, что я буду стоять в избе на краю леса в длинной рубахе и с платком на голове, я бы отправила его к психотерапевту.

— Привыкнешь, — сказала Радослава, будто слышала мои мысли.

— К чему именно? — уточнила я.

— Ко всему.

Мы вышли из избы уже под вечер. Солнце опустилось ниже, свет стал мягче, тени от домов вытянулись по двору. Дым из труб висел над крышами ровной синей полосой, пахло печным огнём, тёплой землёй и чем-то сладковатым — ка-

жется, где-то жгли сухую траву.

— Пойдём, — сказала Радослава, накидывая на плечи тёмный платок.

— Куда?

— Людям показаться.

Я посмотрела на неё.

— Это обязательно?

Она ответила спокойно, будто речь шла о самой обычной вещи.

— Если не покажешься сама, тебя всё равно увидят. Только разговоров будет больше.

Логика была железная.

Мы прошли по узкой утоптанной тропе между домами. Где-то хлопнула дверь, закрипели ворота. Люди постепенно сходились к краю посада, где на открытом месте уже разгорался костёр. Огромный, сложенный из толстых поленьев. Пламя поднималось выше человеческого роста и трещало так громко, что заглушало половину разговоров.

Вокруг собирались люди. Мужчины стояли чуть поодаль, кто с кружкой, кто с куском хлеба. Женщины переговаривались, дети носились между ногами, пока их не одёргивали.

И почти сразу я почувствовала взгляды.

Сначала один. Потом второй. Потом десяток.

Люди смотрели не враждебно — скорее внимательно, как смотрят на странную вещь, которая вдруг появилась в знакомом месте.

Мы подошли ближе к костру. Жар коснулся лица, огонь осветил людей вокруг.

— Это она? — тихо сказала женщина рядом.

— Та самая, — ответила другая.

Я поймала несколько обрывков фраз.

— ...среди бела дня...

— ...к воротам пришёл...

— ...леший...

— ...из леса вышла...

Чудесно. Я попала сюда меньше суток назад и уже местная легенда.

Радослава остановилась у края круга, не пытаясь протиснуться ближе. Я встала рядом, чувствуя себя школьницей, которую вывели на сцену без предупреждения.

— Не суетись, — тихо сказала она. — Просто стой.

Ну я и стояла!

Огонь трещал. Дым поднимался вверх, растворяясь в вечернем воздухе. Где-то за спинами людей кто-то заиграл на рожке — короткую, простую мелодию.

— Говорят, он к дому кузнеца приходил, — донеслось справа.

— Днём? — удивился кто-то.

— Днём.

— Такого не бывало...

Я невольно оглянулась в сторону леса. За последними домами он уже темнел, тихий и неподвижный, будто ничего

особенного в нём никогда не происходило. Глядя на него сейчас, трудно было поверить, что днём оттуда вышел тот самый леший. Интересно, а как он выглядит воочию?

— Чужая она, — сказал мужской голос.

— Вон какая...

— Радослава её взяла.

Это звучало почти как приговор.

Я уже собиралась сказать что-нибудь саркастическое — хотя бы самой себе, — когда из темноты между людьми вышел Яромир.

Он шёл спокойно, не спеша. Рубаха на нём была всё ещё засучена, волосы чуть влажные после кузницы. Он остановился рядом со мной так естественно, будто это было самое обычное место, где ему и положено стоять.

Несколько разговоров вокруг сразу стихли.

Он посмотрел на меня коротко, но внимательно, будто хотел убедиться, что я действительно стою здесь, а не померещилась ему среди огня и разговоров. Взгляд скользнул по лицу, по платку, по рубахе, которая на мне сидела непривычно, и задержался на секунду дольше, чем нужно.

— Бок как?

— Живой, — ответила я.

— Это хорошо.

Пауза была короткой, но в ней было что-то демонстративное. Он не шептал, не отводил взгляд. Стоял рядом так, будто не видел в этом ничего странного.

И люди это заметили.

— Он спит, — сказал Яромир, имея в виду Миколу.

Я почувствовала, как внутри чуть отпустило. Значит, хотя бы сейчас всё спокойно.

— Это хорошо, — сказала я.

— Тихо лежит, — добавил он. — Давно так не было.

Он больше ничего не стал объяснять и просто остался рядом, глядя в огонь. Со стороны это выглядело так, будто мы стояли вместе случайно, но по тому, как вокруг вдруг притихли разговоры, стало ясно: люди всё заметили. Он мог подойти к кому угодно из своих, но подошёл именно ко мне — и этого оказалось достаточно, чтобы дать понять остальным, что он меня не сторонится.

Вокруг снова зашептались.

— Кузнец её не боится...

— Видно, правду говорят...

— Ребёнка ему спасла...

— А леший-то всё равно приходил...

Я смотрела в огонь, чувствуя жар на лице и десятки взглядов на спине.

— Добро пожаловать, — тихо сказал Яромир, не глядя на меня.

Я усмехнулась.

— Весьма тёплый приём.

Он едва заметно улыбнулся.

Яромир какое-то время молчал, глядя в огонь. Пламя от-

ражалось в его глазах, делая лицо резче. Потом он чуть повернул голову в мою сторону.

— Освоилась? — спросил он тихо.

Я усмехнулась.

— Если стоять у костра и делать вид, что всё нормально

— это считается, то да.

Он хмыкнул, едва заметно.

— Люди поговорят и перестанут.

— Угу. У меня дома тоже так говорили, — пробормотала я.

Он посмотрел на меня внимательнее, будто пытаюсь понять, шучу я или нет.

— Ты ребёнка успокоила, — сказал он наконец. — Это запомнят.

Я пожала плечами.

— Я просто шею ему поправила, — сказала я.

Яромир посмотрел на меня чуть дольше, чем раньше, будто пытался представить, что именно это значит.

— Как это... поправила?

— Он голову держал криво, — объяснила я, чувствуя, как неловко звучат мои слова в этой обстановке. — Там мышца зажалась. Я её расслабила.

Мужчина молчал пару секунд, потом покачал головой.

— Он с рождения так кричал, — сказал он тихо. — Никто ничего сделать не мог.

Я пожала плечами.

— Иногда достаточно немного помочь телу.

Он снова посмотрел на меня, теперь уже совсем иначе.

— Может, для тебя и «немного», — сказал он. — А для нас это будто чудо.

Он произнёс это без громких слов и без восторга. Просто как человек, который привык называть вещи так, как они есть.

Яромир снова перевёл взгляд на огонь, и мы какое-то время стояли молча. Вокруг разговаривали, смеялись, кто-то подбрасывал ветки в костёр. Тени от людей двигались по земле, длинные и ломаные.

И вдруг из-за спин раздался резкий девичий звук.

— Ик!.. ик!.. ик!

— Да что ж ты, горе моё! — сердито заговорила женщина.
— Марфа, уймись уж! Люди глядят!

Я обернулась.

Чуть поодаль стояла женщина лет сорока, крепкая, в тёмном сарафане. Рядом с ней девчонка-подросток, рыжеватая, с косой через плечо. Она пыталась прикрыть рот ладонью, но икота всё равно вырывалась громко.

— Ик!.. ик!..

— Воды выпей! — шепнула кто-то.

— Напугай её!

— Дыши, говорю!

Девчонка пыталась сдержаться, но от этого только хуже становилось. Она краснела, глаза слезились, плечи дёрга-

лись.

— Ик!.. ик!..

Женщина уже почти шипела на неё:

— Да тише ты! На люди вышли, а ты как гусыня орёшь!

Я смотрела на неё и вдруг поймала знакомое ощущение. Напряжение в диафрагме, сбитый ритм дыхания. Обычная икота, но сильная, когда организм не может сам выйти из спазма.

Шагнула вперёд раньше, чем успела подумать.

— Подождите, — сказала я.

Женщина обернулась.

— Чего?

— Дайте её на минуту.

Она смерила меня подозрительным взглядом.

— А ты что, знахарка теперь?

— Нет, — честно ответила я. — Просто знаю, как остановить.

Марфа икнула так громко, что сама вздрогнула.

— Ик!..

— Иди сюда, — сказала я мягче.

Девчонка подошла неуверенно, всё ещё прикрывая рот.

— Дышать можешь?

Она кивнула.

— Хорошо. Смотри на меня.

Марфа подошла ближе, всё ещё прижимая ладонь ко рту. Плечи у неё подрагивали после каждого спазма, глаза слези-

лись. Икота вырывалась короткими толчками, будто тело само пыталось вытолкнуть воздух.

Я осторожно положила пальцы ей под рёбра, чуть выше живота. Ткань сарафана была тёплой от костра, а под ней сразу почувствовалось напряжение — диафрагма дёргалась рывками.

— Сделай медленный вдох, — сказала я.

Она попыталась вдохнуть, но на середине дыхания снова дёрнулась.

— Ик!..

Кто-то за моей спиной тихо фыркнул, кто-то шикнул.

— Не торопись, — сказала я спокойнее. — Медленно.

Я чуть сместила пальцы, надавливая мягче, но точнее. Под руками тело отзывалось сразу — знакомое ощущение, как будто разговариваешь с мышцей без слов.

— Ещё раз.

Марфа вдохнула глубже. Плечи поднялись, потом опустились.

— Теперь выдох.

Она выдохнула неровно, воздух вышел рывком. Несколько секунд мы просто стояли, и я чувствовала, как напряжение под пальцами постепенно ослабевает.

— Ик...

Теперь звук был тише, почти ленивый.

Я снова чуть надавила, просто помогая телу поймать другой ритм.

— Дыши.

Она вдохнула.

Я почувствовала, как под ладонью диафрагма наконец делает нормальное движение, без судорожного толчка.

— Ещё раз.

Марфа послушно выдохнула.

Тишина.

Она моргнула, будто сама не сразу поняла, что произошло. Потом осторожно втянула воздух носом, проверяя, вернется ли икота

Ничего.

Марфа удивлённо посмотрела на меня.

— Прошла... — сказала она тихо.

Я убрала руку и шагнула назад.

И только тогда заметила, что вокруг стало непривычно тихо. Люди у костра смотрели на нас так, будто я только что проделала нечто куда более серьёзное, чем остановила обычную икоту.

Марфа моргнула.

Потом ещё раз.

— ...прошла, — сказала она удивлённо.

Вокруг стало подозрительно тихо.

Я отпустила её и отступила на шаг. Женщина посмотрела на дочь, потом на меня.

— Это ты что ж... — медленно сказала она. — Рукой её... икоту сняла?

Я открыла рот, чтобы объяснить про диафрагму и дыхание, но вовремя остановилась.

Вокруг нас уже стояли люди и кто-то негромко сказал:

— Видали?

— Руками...

— Как у Яромира с мальцом...

Я посмотрела на Радославу.

Она стояла чуть поодаль и смотрела на меня, в глазах её было что-то вроде: *ну вот и началось*.

А у костра тем временем всё больше людей смотрели на меня так, будто только что увидели... ведьму.

Глава 3.1

Мать Марфы сразу потянула её ближе к костру, схватила за подбородок и повернула лицо к свету.

— Ну-ка... — пробормотала она, щурясь.

Девочка моргала от жара и света, терпеливо позволяя себя рассматривать, как телёнка на базаре.

— Икни, — вдруг сказала женщина.

— Да как я икну? — растерялась она.

Кто-то рядом хмыкнул.

— Не икает...

— Только что ж заходилась...

— А теперь смотри — тишина.

Женщина медленно перевела взгляд на меня. И в этом взгляде уже не было прежней злости, только настороженность, как у человека, который вдруг обнаружил рядом с собой что-то непонятное.

— Это ты что ж сделала? — спросила она.

Я пожала плечами.

— Да ничего особенного, просто дыхание выровняла.

Сказала и тут же поняла, что звучит это так, будто я объясняю устройство микроволновки в XIII веке.

— Чего выровняла? — спросил кто-то из мужчин.

— Дыхание, — сказала я.

Слово прозвучало совершенно нормально... для моего

мира. Здесь же оно повисло в воздухе так, будто я произнесла что-то подозрительное.

— Руками? — переспросил мужчина у костра.

Я на секунду замялась. В голове мелькнула совершенно бесполезная мысль: *ну да, сейчас я достану анатомический атлас и всё вам подробно объясню.*

— Ну... да, — сказала я.

И тут же поняла, что это было не лучшим ответом.

Люди переглянулись. Кто-то нахмурился, кто-то, наоборот, сделал шаг ближе, словно хотел рассмотреть меня лучше. Взгляды были разные — любопытные, осторожные, даже чуть настороженные.

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. В кабинете у меня такие разговоры тоже случались. Когда человек уверен, что у него сглаз, а ты пытаешься объяснить, что у него просто спазм мышцы.

Только там максимум спорят, а здесь... здесь люди уже начали шептаться.

Я вдруг очень ясно почувствовала, как вокруг начинает меняться настроение. Это не была паника и даже не страх. Пока ещё. Скорее любопытство.

Люди начали переглядываться.

— Видали?

— Руками...

Слова расходились по кругу костра, будто кто-то тихо передавал их от человека к человеку.

Я машинально провела ладонями по юбке. Профессиональная привычка после работы — стряхнуть руки. Только сейчас этот жест выглядел подозрительно театрально.

Отлично, Алина. Сейчас ещё кто-нибудь решит, что ты заклинание закрыла.

Я подняла глаза и встретила взглядом с Радославой. Она стояла чуть поодаль, руки сложены на груди, лицо спокойное. Слишком спокойное. Она не вмешивалась, не спешила объяснять людям, что всё нормально и никакая я не ведьма, тьфу ты! Она просто наблюдала. Ждала, как я себя поведу.

Спасибо, конечно. Очень поддерживает.

— Руками лечит... — сказал кто-то негромко.

ДА ЧТО ЖЕ ВЫ ПРИСТАЛИ К МОИМ РУКАМ!

— Без трав...

— Без молитвы...

— Даже не крестилась.

Вот это прозвучало еще хуже!

Я вдохнула глубже, чувствуя, как внутри поднимается знакомое раздражение. Тот самый момент, когда пациент уверен, что у него сглаз, а ты пытаешься объяснить ему, что у него просто защемило нерв.

— Послушайте, — сказала я, стараясь говорить спокойно.

— Никакое это не колдовство.

Несколько человек сразу повернулись ко мне.

— А что ж тогда? — спросили чуть ли не хром.

Я на секунду замялась.

— Это... медицина.

И сразу поняла, что зря.

— Чего? — переспросил мужчина у костра.

— Мед... что?

— Медицина, — повторила я уже менее уверенно.

Люди переглянулись.

— Слово какое... — пробормотала женщина у костра, та самая, что только что держала Марфу за подбородок. Она нахмурилась, будто слово само по себе было подозрительным.

— Колдовское, — отозвался мужик с рыжей бородой, сидевший на бревне у огня. Он сказал это уверенно, как человек, который разбирается во всех мировых заговорах.

— Не наше слово, — добавил ещё один, старший, с узкими глазами. Он произнёс это тихо, но так, будто вынес окончательный приговор.

— Чужая она, — подытожила какая-то бабка из второго ряда и перекрестилась на всякий случай.

Я закрыла глаза на секунду.

Отлично.

Теперь я не только подозрительная женщина из леса, но ещё и обладатель опасного словарного запаса.

Прекрасно, Алина. Следующий шаг — тебя обвинят в использовании иностранных терминов с целью подрыва деревенской стабильности.

Я открыла глаза и увидела, что люди уже переглядываются между собой. Кто-то смотрел с интересом, кто-то с осто-

рожностью, а кто-то так, будто прикидывал, не пора ли на всякий случай держаться от меня подальше.

— Мед... цина... — медленно повторил рыжебородый, словно пробовал слово на вкус.

— Слышал кто такое? — спросил он у соседей.

— Не слышал, — честно ответил мужик рядом.

— И я не слышал.

— Вот и я.

Логика была железная: если никто не слышал — значит, подозрительно.

Я вздохнула.

Ну конечно. Попробуй ещё объясни им сейчас, что это вообще-то нормальная наука.

Я уже почти открыла рот, чтобы снова попытаться объяснить, но поймала себя на мысли, что следующий шаг будет звучать примерно так:

«Понимаете, это связано с работой диафрагмы и нервной системой...»

И тут же представила, как половина посадка падает в обморок от слов «нервная система».

Тихо выдохнула от безысходности.

— Я людей лечу, — сказала я проще. — Просто знаю, где нажать, чтобы тело перестало дурить.

Толпа снова зашевелилась.

— Руками и ведьмы лечат, — сказал кто-то у края круга.

Вот. Мы пришли к ожидаемой точке разговора.

Я повернулась на голос.

Старик стоял чуть в стороне от круга света, опираясь на сучковатую палку. Узкое лицо, седая борода клочками, глаза щурятся от огня так, будто он привык смотреть на людей сквозь подозрение. Вид у него был именно тот, который обычно появляется у человека, когда он наконец дождался момента сказать: *«а я ведь предупреждал»*.

— Таких жгли, — произнёс он спокойно, без всякого надрыва, словно речь шла о прошлогодней крапиве.

У меня внутри что-то неприятно кольнуло.

Ну вот.

Приехали.

Вокруг сразу оживились шёпоты, и, что характерно, звучали они уже куда увереннее.

— Я ж говорил...

— Не просто так леший днём пришёл...

— Чуял...

— Чужую...

Я стояла посреди круга и вдруг очень ясно увидела, как люди начинают двигаться. Не резко, не демонстративно — наоборот, почти незаметно. Кто-то сделал полшага назад. Кто-то повернулся боком, будто просто решил получше видеть костёр. Но расстояние между мной и остальными постепенно увеличивалось.

Марфа, ещё минуту назад радостно проверявшая, не вернулась ли икота, осторожно отступила на шаг.

Потом ещё на один.

Её мать тоже сдвинулась в сторону, словно вдруг вспомнила, что у неё есть дела чуть дальше от меня. Я это движение заметила и почувствовала, как внутри неприятно холодеет.

Замечательно.

Пять минут назад я избавила девчонку от икоты. А теперь люди от меня отходят так аккуратно, будто я не мануальный терапевт, а плохо спрятанная чума.

Отлично, Алина. Ты официально стала самым подозрительным человеком на этом празднике.

Я перевела взгляд на Радославу.

Она стояла там же, где и раньше, чуть поодаль от костра. Руки сложены на груди, лицо спокойное, даже слегка задумчивое, как у преподавателя на экзамене, который наблюдает, как студент сам выбирается из ямы, в которую только что прыгнул.

Помогать она явно не собиралась.

И по её выражению было совершенно ясно: всё, что происходит сейчас, по её меркам ещё даже не повод вмешиваться.

— Тёмная ведьма, — сказал старик.

Толпа загудела.

— А может...

— Проверить бы...

— Не зря леший днём приходил... — донеслось из толпы.

Я на секунду замерла.

Ну конечно. Логика железная: если в деревне случилось что-то странное, виновата новая женщина из леса. А если ещё и руками кого-то «вылечила» — всё, можно сразу записывать в ведьмы.

Поздравляю, Алина, сегодня ты стоишь у костра в славянском посаде и проходишь ускоренный курс по народной демонологии.

Карьерный рост, ничего не скажешь.

Я уже открыла рот, чтобы снова попытаться объяснить, что никакой магии тут нет и всё это называется вполне скучным медицинским словом, когда рядом вдруг раздался спокойный голос.

— Хватит.

Глава 3.2

Я даже не сразу поняла, кто сказал это.

Это был Яромир.

Он стоял рядом со мной, руки сложены на груди, и смотрел на людей так спокойно, будто мы обсуждаем не ведьм, а цену на железо.

— Она моего сына успокоила, — сказал он.

Кто-то хмыкнул.

— Может, заколдовала.

Яромир перевёл взгляд на говорившего.

— Он девять месяцев кричал, — сказал он тихо. — Все слышали.

Толпа на секунду притихла.

Это было правдой.

— Икоту сняла, — тихо добавила Марфа.

Яромир помолчал, потом сказал:

— Если боитесь — проверим, — спокойно сказал Яромир.

Сказал он это так, будто предложил посмотреть, не треснула ли подкова послековки. Но слова его сразу подхватили.

Толпа оживилась. В толпе зашептались, кто-то наклонился к соседу, кто-то повернулся к костру, будто там уже начиналось представление. А я отметила, что кузнец не особо

многословен в своей жизни. Все кратко и по делу! Только вот... что за проверка?!

— Как? — спросил кто-то.

— По-старому, — ответил Яромир.

Этого оказалось достаточно.

Несколько человек сразу закивали, словно всё было давно понятно.

— Верно...

— Так и надо...

— Как у дедов водилось...

Я повернулась к нему.

— По какому ещё старому? — тихо спросила я.

Мужчина посмотрел на меня спокойно, чуть склонив голову, как будто удивился самому вопросу.

— Обрядом.

Я несколько секунд просто смотрела на него, пытаюсь понять, шутит он или нет.

Судя по лицу — нет.

— Обрядом... чего? — уточнила я.

— Огонь покажет, — сказал он.

Я перевела взгляд на костёр.

Пламя уже разгорелось как следует. Толстые поленья трещали, огонь поднимался выше человеческого роста, и искры летели вверх, растворяясь в тёмном небе. От костра шёл густой запах смолы и сухого дерева.

Вокруг огня люди стояли широким кругом. Кто-то держал

кружку, кто-то кусок хлеба, дети жались к матерям, но все постепенно поворачивались в нашу сторону. Детей кузнеца, кстати говоря, на вечернем променаде не было.

Толпа начала гудеть, как улей.

— Через огонь... — сказал рыжебородый мужик у костра, тот самый, что всё время сидел на бревне и смотрел на меня так, будто уже решил, что я виновата во всех бедах посада.

— Тогда ясно станет... — поддержал его сосед, долговязый парень с перевязанной рукой. Он говорил это с таким видом, будто сам лично уже десяток ведьм так проверял.

— Огонь тёмного не терпит, — уверенно добавила старуха в тёмном платке. Она прищурилась на меня из-под бровей, и я почти услышала в её взгляде: *ну-ка, посмотрим, как ты запоёшь*.

— Если нечисть — сразу покажется, — сказал мужик у неё за спиной и зачем-то перекрестился, причём быстро и нервно.

Даже плюнул через плечо — на всякий случай.

Я стояла и слушала это как человек, который случайно попал на собрание очень увлечённого клуба по борьбе с ведьмами.

Прекрасно. Огонь у них, оказывается, универсальный тест: и для железа, и для подков, и, судя по всему, для жёнщин.

Слева от меня снова кто-то негромко вспомнил:

— Леший днём приходил...

Надоели, ей Богу...

— Значит, дело серьёзное, — ответил мужик в серой рубахе, покачав головой.

— Не зря чуял... — пробормотал старик с палкой, тот самый, что первым вспомнил про костры и ведьм.

Он сказал это так спокойно, будто обсуждал погоду.

Я перевела взгляд на костёр.

Пламя трещало, подбрасывая искры вверх, и мне вдруг стало совершенно ясно, что для этих людей всё происходящее не выглядит странным. Для них это обычный порядок вещей: если появилось что-то непонятное — сжечь.

Отлично. Пять минут назад я останавливала икоту, а теперь участвую в народной диагностике нечистой силы

Ну конечно. Почему бы и нет. В моём мире для этого есть анализы, томограф и консультация врача. Здесь костёр и коллективное мнение посада.

Честно говоря, костёр выглядел убедительнее.

Я медленно повернула голову и посмотрела на Радославу.

Она стояла чуть поодаль от костра. Огонь освещал её лицо рыжим светом, пучки трав на поясе шевелились от ветра. Она наблюдала за происходящим спокойно, словно всё это было частью давно знакомого порядка вещей.

Через секунду она едва заметно кивнула.

Прекрасно.

То есть местная ведунья не только не возражает, но и, похоже, считает происходящее вполне разумным способом

разобраться в ситуации.

Я на секунду закрыла глаза.

Добро пожаловать, Алина. Ты попала в славянскую деревню, тебя подозревают в колдовстве, и сейчас тебя будут проверять с помощью костра.

Где-то рядом подбросили ещё одно полено. Пламя вспыхнуло ярче, искры взметнулись вверх.

Я глубоко вдохнула.

— Ладно, — сказала я, ведь выбора у меня не было.

Шёпот вокруг сразу стих. Люди будто ждали этого слова.

— Давайте ваш обряд.

Несколько человек даже шагнули ближе к костру, освобождая место в круге. И по тому, как у половины посадка загорелись глаза, стало ясно — вечер только начинается.

ВИЗУАЛ. РАДОСЛАВА

Радослава — ведунья

Возраст: **около 70 лет**
 Статус: **ведунья посада**

Женщина, к которой идут, когда уже не помогают ни молитвы, ни травы соседок.

Невысокая, сухая, но удивительно крепкая для своих лет.
 Седые волосы заплетены в **длинную тяжёлую косу**.
 Лицо морщинистое, спокойное.
 Глаза **серо-зелёные, внимательные**, будто она видит человека насквозь.

На шее — **обереги, костяные подвески и травяные амулеты**.
 На поясе — мешочки с кореньями и сушёными травами.
 Рядом всегда **резной посох**, старше многих людей в посаде.

Её дом пахнет:

полынью
 ## зверобоем
 ## сушёной мятой
 ## дымом из старой печи

Радослава прожила долгую жизнь и знает одну простую вещь: **люди боятся того, чего не понимают**.

Хранительница старых знаний
 ## Женщина, которая видит больше, чем говорит
 ☆☆ Та, кто первой назовёт Алину **Хозяйкой Дома тёплых рук**

Глава 4. Огонь скажет

Костёр к тому времени уже разошёлся так, что от него приходилось щуриться. Пламя стояло высоким, густым, с рыжими и белыми прожилками, трещало громко и зло, будто в нём не дрова горели, а кто-то внутри спорил и не мог уgomониться. Искры срывались вверх целыми стаями, поднимались над головами и таяли в тёмном воздухе. От смолы, сухих веток и дыма всё вокруг пахло резко, по-лесному, и этот запах почему-то делал происходящее ещё реальнее.

Люди не расходились. Наоборот, круг вокруг костра становился плотнее. Мужики подтягивались ближе, женщины сдвигались плечом к плечу, дети сначала лезли вперёд, потом их одёргивали, но они всё равно снова вытягивали шеи из-за юбок и локтей. Вся деревня, казалось, решила, что лучшего занятия на вечер у неё уже не будет.

Я стояла у края этого круга и смотрела на огонь.

Ну что ж.

Раз уж согласилась — поздно делать вид, что меня здесь нет.

Радослава подошла тихо, почти незаметно. Не встала впереди, не загородила собой, не попыталась как-то объявить себя главной. Просто оказалась рядом. Со стороны можно было подумать, что мы обе смотрим на костёр и ждём, когда

подкинут ещё поленьев.

— Боишься? — спросила она негромко.

Я усмехнулась.

— Конечно нет. Я каждый вечер через костры хожу. Перед ужином. Для аппетита.

Она даже не посмотрела на меня сразу, только через секунду чуть скосила глаза.

— Моей помощи тебе не нужно.

Вот это прозвучало неожиданно.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Очень вовремя, — пробормотала я. — То есть я правильно поняла: меня сейчас будут проверять огнём на ведьму, а твой вклад как наставницы — это сообщить, что я справлюсь сама?

— Ты и без меня знаешь, что делать.

— Боюсь, мы с тобой сильно по-разному оцениваем объём моих знаний.

Она наконец повернулась ко мне полностью и посмотрела спокойно, не строго, без той торжественной загадочности, которой обычно ждёшь от «местной ведуньи».

— Слушай сердце, — сказала она. — И руки.

Я открыла рот, собираясь сказать, что сердце у меня сейчас занято совсем другими делами, а руки, если честно, предпочли бы нормальный кабинет и кушетку, но промолчала.

Потому что в этом было что-то правильное. Раздражающе правильное.

Я и правда всегда работала руками. Не рассуждениями, не красивыми словами. Руками и через тело. Через то, как под пальцами отзывается мышца, как дышит человек, где в нём напряжение и где оно отпускает.

Только обычно за это не ставили к костру.

У огня тем временем началось движение.

— Рябину не так клади, — буркнула старуха в темном платке какому-то мужику с бородой. — Не поперёк, а вдоль.

— Да хоть как она рябина, — отмахнулся тот.

— Хоть как у тебя в сарае. А тут не сарай.

Кто-то хмыкнул. Мужик проворчал что-то себе под нос, но ветки переложил.

Ещё двое подтянули поленья в стороны, формируя узкий проход между двумя языками огня. По земле у этого прохода уже лежала серая полоса золы, а поверх неё — ветки рябины и несколько каких-то трав, которые я не успела разглядеть.

— Чистое пройдёт, — бормотала старуха. — Тёмное покажется.

— Огонь всё видит, — сказала какая-то женщина с тяжёлой косой.

— Ага, — поддержал её рыжебородый мужик у бревна. — Не обманешь его.

Я смотрела на них и думала, что они ведь не играют. Это не красивый обряд ради зрелища, не деревенский театр, не

фольклор для посторонних. Для них это рабочий способ понять мир, если появилось что-то непонятное, надо проверить. Если лес прислал голос к воротам — надо проверить. Если чужая руками сняла икоту и успокоила ребёнка — тем более надо проверить.

Огнём.

Потому что, очевидно, что ещё остаётся.

— Становись, скоро начнем — сказала старуха, наконец посмотрев прямо на меня.

Я шагнула ближе.

Жар сразу ударил в лицо, по коже пошло сухое тепло. Где-то в голове мелькнула глупая память о летних шашлыках, о мангале, о том, как щёки нагреваются от пламени, но эта мысль тут же растворилась. Здесь никто не жарил мясо. Здесь решали, можно ли сжечь меня!

Я невольно поискала глазами знакомые лица.

Миколы, конечно, здесь не было — он остался дома, это я уже поняла. Скорее всего, старшенькая сидит с ним, укачивает или носит на руках. По ней было видно, что она из тех детей, которым рано приходится становиться взрослыми: тихая, внимательная, с таким взглядом, будто она уже знает, как устроена жизнь и сколько в ней бывает тяжёлого. Наверняка обиженная на мать...

А вот мальчишки рядом с людьми у костра тоже не оказались.

Я машинально оглянулась.

Яромир стоял совсем рядом. Он так и не отошёл после своих слов про обряд, будто решил остаться здесь до конца и посмотреть, чем всё это закончится. Руки у него были сложены на груди, плечи спокойные, тяжёлые, и в отблесках костра лицо выглядело особенно неподвижным.

Он не суетился, не спорил с толпой, не пытался ничего объяснять и не отступал в сторону, как человек, которому происходящее неприятно. В нём не было ни показной решимости, ни неловкости.

Кузнец просто стоял рядом и внимательно наблюдал за тем, что происходит.

И в этом спокойствии было что-то раздражающее. Слишком уж уверенно он выглядел, будто заранее решил: чем бы всё ни закончилось, он это примет и разбираться будет потом.

Я пару секунд наблюдала за ним, потом всё-таки подошла, пока остальные готовили свой обряд.

— Слушай, — сказала я негромко.

Он перевёл на меня взгляд.

— Что?

— Микола понятно где. А где твой второй разбойник?

Он не сразу понял, о ком речь.

— Кто?

— Мальчишка твой. Где он?

Лицо у него сразу стало жёстче, будто я случайно задела тему, к которой лучше не прикасаться.

— Не твоё дело.

Сказано это было коротко и довольно грубо, без всякой попытки смягчить.

Я на секунду замолчала. Вот и поговорили.

Отвернулась, чувствуя, как внутри поднимается знакомое раздражение.

Ну и ладно.

Хочешь быть каменной стеной — будь. Только эта «каменная стена» как-то странно выглядит: трое детей, кузница, дом, где хозяйства явно больше, чем рук, и при этом человек всё равно держится так, будто никому не должен позволять подходить ближе, чем на шаг.

Честно говоря, ему бы не характер закалять, а женщину в дом. Нормальную, живую, которая не боится грязи, детей и кузнечного дыма. Потому что с таким количеством дел и таким упрямством долго на одном человеке всё не удержишь.

Но, судя по выражению его лица, прежде чем он решится кого-то впустить в свою жизнь, придётся сначала этот характер перековать в кузнице.

Дурак.

Конечно, не касается. Всё сам. Дети сами, дом сам, кузня сама, и он сам. А потом люди удивляются, почему у мужика лицо такое, будто его каждый день сковородой будят.

Я бы, может, и посоветовала ему женщину найти. Но с таким характером он скорее кузню ещё одну построит, чем кого-то к себе подпустит.

— Злишься, — сказал он неожиданно..

Я резко посмотрела на него.

— Нет, что ты. Я просто в полном восторге от вечера. Костёр, толпа, подозрения, обряд. Чего ещё желать человеку после тяжёлого дня?

На этот выпад он не обиделся.

— Если бы я не предложил обряд, тебе было бы хуже.

— Правда? — спросила я. — Насколько хуже? Сильно хуже? Или просто без свидетелей?

Он вздохнул так, будто не первый раз разговаривает с упрямой женщиной.

— Тебя бы не пустили жить в посаде.

— Это вы так мягко называете «вышвырнули к лесу»?

— Мягко, — согласился он.

Я прикусила язык. Потому что он не оправдывался и не пытался мне понравиться. Просто говорил, как есть.

— Они боятся того, чего не понимают, — добавил он.

— А тебе, значит, я очень понятна, — буркнула я.

— Не очень, но если огонь тебя не оттолкнёт, им будет легче.

Я перевела взгляд на костёр.

— Замечательно. То есть ты меня всё-таки не подставил. Ты просто выбрал для меня социально приемлемый способ быть подозреваемой.

Кузнец нахмурился, видимо слово “социальный” резануло слух.

— Примерно так.

Радослава, стоявшая неподалёку, будто почувствовала, что я сейчас снова начну злиться.

— Язык не распускай, — тихо сказала она, подходя. — Он тебе помог.

— Сомнительный у вас тут способ помощи.

— У нас — обычный.

— Великолепно.

— Великолепно или нет, а живой останешься.

Тут спорить было сложно.

Толпа притихла.

Кто-то шепнул молитву. Кто-то, наоборот, прошептал старые слова, в которых больше было леса и земли, чем церкви. Кто-то перекрестился. Кто-то сплюнул через плечо. У каждого, похоже, был свой способ не дать тьме пролезть в дом. А сейчас всё это смешалось у одного костра.

Старуха с золой подняла подбородок.

— Иди.

Я и шагнула.

Под ногами была тёплая земля, чуть припорошенная золой. Ветки рябины тихо треснули под подошвой. Жар с двух сторон обнял лицо и руки, платок на голове сразу нагрелся.

Я сделала ещё шаг.

Шум вокруг вдруг стал дальним. Не исчез — просто словно отодвинулся. Огонь затрещал иначе, глубже, и в этом треске было что-то почти осмысленное. Я смотрела перед

собой и вдруг увидела, как пламя впереди меняется.

Оно вытянулось вверх тонкой светлой лентой, потом раскрылось, будто кто-то раздвинул его изнутри. Искры собрались в одну точку и начали кружиться вокруг неё, быстро, плавно, как мошкара в луче солнца и из этого вращения проступила фигура.

Женская.

Тонкая, высокая, сотканная из живого огня и искр, будто кто-то слепил женщину из пламени и сразу вдохнул в неё движение. Волосы у неё текли светом, лицо было почти человеческим, только глаза — слишком яркими, слишком чистыми. Она смотрела на меня без вражды, без жалости. Просто смотрела.

Я остановилась.

Ну конечно. Именно этого мне не хватало. Огненной женщины. Почему бы и нет.

Люди вокруг будто исчезли. Не совсем, но на секунду перестали быть важными.

Фигура чуть наклонила голову.

— Руки у тебя живые, — прозвучало у меня в голове.

Я сглотнула.

— А всё остальное? — мысленно спросила я, сама не до конца понимая, всерьёз ли это.

На её лице мелькнуло что-то, похожее на улыбку.

— Не тёмная.

И в ту же секунду она рассыпалась искрами, взметнулась

сверху и снова стала просто огнём.

Шум толпы вернулся рывком. Кто-то ахнул, кто-то выдохнул. Я поняла, что стою посреди прохода и не двигаюсь.

Надо было идти дальше и я сделала ещё шаг, потом ещё один, и вышла из огненного прохода. Жар остался за спиной.

Несколько секунд было тихо. Потом старик с палкой хмыкнул.

— Не шарахнуло, — сказал он, будто лично ждал обратного.

— Огонь ровно шёл, — заметила старуха. — Не метнулся, не почернел.

— И рябина не лопнула, — добавила женщина с косой.

— Волосы целы, — сказала кто-то из баб. — Гляди-ка.

Я чуть не рассмеялась.

Спасибо. Очень приятно, что в списке моих достоинств теперь официально числятся целые волосы.

Толпа зашевелилась уже не так настороженно. Люди переглядывались, что-то шептали друг другу, и в этих шёпотах уже не было прежней остроты.

— Не тёмная, выходит.

— Чужая, да.

— Чужая — это видно.

— Но огонь принял.

— Пока пусть живёт.

Вот это *пока* мне особенно понравилось.

Старик опёрся на палку и кивнул с тем видом, будто вы-

даёт разрешение на временное проживание.

— У ведуньи пусть живёт, — сказал он. — Раз она её приняла.

Радослава вышла вперёд, и люди почти сразу смолкли.

— Тёмного в ней нет, — сказала она спокойно, но так, что слышали все. — Чужая — да, но не тёмная. Пока у меня жить будет.

Мне очень хотелось уточнить, когда именно я это согласовала, но я благоразумно промолчала.

— А к батюшке всё ж надо, — подал голос тот самый рыжебородый мужик. — Для верности.

Толпа снова подхватила.

— Верно.

— Пусть в церковь идёт.

— Молитву над ней читать надо.

— Очиститься пусть.

Я повернулась к Яромиру.

Он посмотрел на меня и, к моему раздражению, выглядел так, будто говорит о совершенно естественной вещи.

— Завтра к попу пойдёшь.

— Зачем?

— Чтоб людям спокойнее было.

— То есть костра им мало?

— Людям, — спокойно сказал он, — редко бывает достаточно сразу.

Очень обнадеживающе.

Я перевела взгляд на Радославу.

— Только не говори, что это обязательно.

Она пожала плечами.

— Здесь так живут. С огнём ладят и с церковью не ссорятся. Одно другому не мешает.

Прелестно.

Огненная женщина, леший у ворот, проверка через костёр — и в качестве следующего шага церковь.

План на адаптацию становился всё лучше и лучше.

Люди начали расходиться. Не сразу, медленно, с разговорами, с оглядками. Марфа смотрела на меня уже не со страхом, а с таким восторженным ужасом, из которого к утру обязательно вырастет хорошая деревенская байка. Её мать кивнула мне коротко, почти сердито, и я поняла, что это, видимо, и есть местная благодарность. Рыжебородый всё ещё косился в мою сторону, но уже без боевого пыла. Старуха с золой собирала свои ветки и бормотала что-то себе под нос.

Я же стояла у догорающего костра и чувствовала, как жар постепенно сменяется вечерней сыростью.

— Только скажи честно, — спросила я у ведуньи, когда почти все разошлись.. — Там тоже будут проверять огнём, или у батюшки методички другие?

Она впервые за весь вечер по-настоящему усмехнулась.

— У батюшки свои заботы.

Взгляд упал на уходящего Яромира.

Ну и дурак, подумала я снова, но уже без злости. *Побла-*

годарить умеет, защищать умеет, а подпустить к себе — нет. И ведь сам же потом будет делать вид, что ему никто не нужен.

*Дорогие читательницы!

 От всей души поздравляю вас с 8 Марта! Пусть этот весенний день подарит вам тепло, уют и вдохновение.

 Желаю вам книжного счастья — того самого, когда находишь историю, от которой невозможно оторваться. Пусть в вашей жизни будет больше ярких эмоций, неожиданных сюжетных поворотов (только счастливых!) и мгновений, которые хочется перечитывать снова и снова.

 Спасибо, что вы со мной и моими книгами. Вы — лучшее вдохновение!

 С любовью и весенним настроением, Ваша Кейси Лисс*

Визуал. Микола

Микола — младший сын кузнеца

Возраст: **9 месяцев**

Самый маленький в доме Яромира.

Светловолосый, с мягкими **голубыми глазами** и круглыми щёчками.

Но улыбаться он начал **не сразу**.

С рождения Микола был слабым: плохо спал, часто плакал и никак не мог успокоиться.
 В посаде шептались — **порча, дурной глаз, нечисть рядом**.

Яромир не понимал, что с ним делать.
 Ребёнок плакал ночами, и весь дом жил в этом плаче.

Алина увидела другое.

Не колдовство.
 Не порчу.

перекош шеи после тяжёлых родов
 ## зажатые мышцы
 ## боль, которую никто не понимал

Когда её руки впервые коснулись малыша, он **впервые спокойно уснул**.

С тех пор Микола стал:

тянуться к её рукам
 ☆☆ затихать, когда она рядом
 ## тем самым ребёнком, из-за которого в посаде заговорили о **Доме тёплых рук**

Он ещё слишком мал, чтобы говорить.
 Но именно он **первым поверил Алине**.

Глава 5. Утро после огня

Мне приснился снег. Не тот серый городской снег, который превращается в кашу у обочины и пахнет бензином, а тихий, чистый, почти светящийся. Он медленно падал с неба, и вокруг было так спокойно, будто мир на время решил замолчать. Я стояла посреди этого белого пространства и никак не могла понять, где нахожусь и почему мне совсем не холодно.

Сначала я услышала шаги. Лёгкие, быстрые, будто кто-то бежал по снегу. Я обернулась и увидела девочку.

Она бежала ко мне прямо через поле, размахивая руками, и в её движениях было столько радости, будто мы давно знакомы и она наконец меня нашла. На ней была смешная шапка с большим помпоном, щёки покраснелись от холода, а глаза сияли так открыто и тепло, что я поймала себя на странной мысли: я её не знаю, но почему-то совсем не боюсь.

Девочка подбежала и остановилась рядом, переводя дыхание, потом посмотрела на меня так внимательно, будто проверяла, действительно ли я здесь.

— Спасибо тебе, — сказала она.

Я растерялась.

— За что?

Она слегка нахмурилась, будто удивилась моему вопросу, и пожала плечами, как делают дети, когда взрослые вдруг не

понимают очевидных вещей.

— Если бы не ты, меня бы не было.

— Мы знакомы? — спросила я осторожно.

Девочка тихо рассмеялась.

— Нет.

— Тогда...

Я не договорила. Она шагнула ближе и вдруг взяла меня за руку. Ладонь у неё была тёплая, настоящая, совсем не как у человека из сна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.